

Ворон всё ещё бормотал что-то себе под нос, но А-Да уже всех разогнал, и ему тоже не стоило задерживаться. Молча он направился к своей хижине.

Брат Цун прищурился, глядя в сторону его дома. В этот момент А-Янь сидел у входа, играя с веточкой. Увидев вернувшегося Ворона с его мощной, как у медведя, спиной, он испуганно вскрикнул, бросил ветку и бросился внутрь.

— Он не похож на того, кто несёт цветы. Скорее, на того, кто идёт с цветами убивать, — А-Да не знал, смеяться ему или плакать.

Брат Цун, увидев это, цыкнул и с обречённостью вздохнул.

На самом деле днём всё было проще. А-Да уходил на охоту или по делам, и у него не было времени приставать к брату Цуну. Но вечером всё становилось иначе.

Сначала купание, потом сон. Они лежали рядом, и между ними существовала связь, которая для обоих была испытанием.

Сегодняшний вечер не был исключением. Брат Цун чувствовал, что им нужно поговорить. Иногда, когда всё высказано, человек теряет свою загадочность, и желание может угаснуть.

Это как в долгом браке: чем больше узнаёшь друг друга, тем прозрачнее всё становится. Когда ты исследуешь человека вдоль и поперёк, уже не так легко что-то почувствовать.

Поэтому брат Цун решил сегодня поговорить об А-Яне или о Вороне.

Один из них был знаком ему, другой — А-Да. В любом случае, это могло затянуться до глубокой ночи, а потом глаза закрываются, тело расслабляется, и наступает утро.

Перед купанием брат Цун уже всё обдумал. Спросить о Вороне было вполне логично. Он и А-Янь были как братья, а теперь А-Янь стал названным младшим братом Ворона. Как старший брат, он хотел узнать больше о Вороне и был уверен, что А-Да расскажет.

Так и вышло. Когда они оба помылись и А-Да только лёг в постель, брат Цун спросил:

— Ворон твой старший брат? Или двоюродный? Вы кажетесь очень близкими.

Он также обратил внимание на раны на теле А-Да и почувствовал холод в груди. А-Да, видимо, использовал какое-то чудодейственное лекарство, так как раны заживали невероятно быстро. Уже не нужно было бинтовать, и, кажется, они уже зарубцевались.

А-Да, поправляя одеяло, лёг на кровать.

Он подумал и сказал:

— Нет, он не кровный родственник, но он мой старший брат.

— Подобрали? — спросил брат Цун, отодвигаясь немного, чтобы сохранить безопасное расстояние, и повернулся к А-Да боком.

Его поза была удачной: она показывала, что он внимательно слушает, и в то же время позволяла вовремя заметить, если А-Да попытается перейти границы, и либо уклониться, либо сопротивляться.

— Угу, — ответил А-Да тем тоном, который брат Цун так хорошо знал, и положил руки за голову, глядя в потолок, словно вспоминая что-то.

Отлично, А-Да был настроен на разговор, и брат Цун был доволен.

В этот момент рука А-Да с татуировкой в виде саламандры оказалась близко к брату Цуну. Саламандра выглядела настолько устрашающе, что казалось, будто она вот-вот заползёт на лицо брата Цуна, заставляя его отвести взгляд на щёку А-Да.

Честно говоря, кроме того, что А-Да был немного смуглым, с выступающими скулами и небритым, в остальном он выглядел вполне прилично.

Его руки были мускулистыми, вероятно, из-за постоянной охоты. На них были небольшие шрамы, переплетающиеся с венами, как реки, извивающиеся на коричневой земле.

Люди Кушань, убив свирепого зверя, обычно мазали его кровью себе на лицо. Это символизировало, что сила зверя переходит к ним, и в будущем они тоже обретут его мощь.

Поэтому брат Цун всегда думал, что люди Кушань воняют. По крайней мере, от них должно исходить сильное зловоние крови и кисловатый запах, который появляется после её разложения.

В конце концов, это место, где можно спокойно помочиться на корни деревьев, так что странный запах от местных жителей — это нормально.

Но к удивлению брата Цуна, кроме той ночи, когда А-Да был ранен, от него не исходило никакого лишнего запаха. Теперь, принявшись, можно было уловить лишь лёгкий запах пота и едва уловимый аромат шерсти животных.

А-Да долго думал — или, скорее, подбирал слова, пока его «навык» не остыл, и наконец снова заговорил.

Именно в эту ночь брат Цун узнал о А-Да много нового.

Он постепенно понимал, почему двоюродный брат так настаивал на том, что А-Да хороший человек, хотя это «хороший» было довольно субъективным.

Ворона подобрал отец А-Да. Хотя «подобрал» — не совсем точное слово. Ворона просто бросили у порога их дома.

Ворон был ребёнком из Чжунтугао, но Чжунтугао от него отказались. В тот год Ворону было десять лет.

Отец Ворона погиб, помогая старому правительству сопротивляться врагам. Ворону тогда было около семи-восьми лет. Мать Ворона не поверила в смерть мужа, оставила ребёнка соседям и ушла из деревни, чтобы найти его.

Она думала, что, выйдя за пределы деревни, подтвердит свои догадки и вернётся. Но она ушла и больше не появлялась.

В те времена жизнь в Чжунтугао была очень тяжёлой. Не хватало рабочих рук, поля были заброшены, все голодали, и каждый едва мог прокормить себя, не говоря уже о том, чтобы заботиться о сироте.

На самом деле в те годы все деревни Кушань страдали от голода, но деревня Ситоу — та, где жил А-Да — как-то умудрялась выживать.

Так Ворон оказался здесь. Люди из Чжунтугао тайком привели его к дому А-Да, дали ему несколько конфет и сказали, что, когда выйдет человек в шкурах животных, он должен назвать его отцом.

Ворон, хоть и был маленьким, понимал, что его бросили. Поэтому он не осмелился убежать обратно с теми, кто его привёл, и действительно сидел у порога, поедая конфеты.

Но когда вышел отец А-Да, он смог только ухватиться за его одежду из шкур, но так и не смог выговорить слово «отец».

— Мой отец сжалился над ним и оставил его, — сказал А-Да.

— У вас была еда, — брат Цун, боясь, что А-Да замолчит, поспешил добавить.

— Да, у вождя, конечно, была, — А-Да сделал паузу. — Не много, но чтобы прокормить ребёнка, хватало.

Так Ворон остался. Он был старше А-Да на пять лет и действительно стал его старшим братом.

На следующий год после прихода Ворона в деревне Ситоу был урожай. Это было удивительно, потому что в других деревнях ничего не выросло, только в Ситоу. Казалось, небеса вознаградили их добрый поступок, дав им особое благословение.

С тех пор родители А-Да считали Ворона счастливым талисманом. Он был возможностью, которую небеса послали им, и с его приходом беды закончились.

Именно поэтому родители А-Да заботились о Вороне ещё больше, как о своём собственном ребёнке, воспитывая его вместе с сыном и дочерью.

— У тебя есть сестра? — спросил брат Цун.

— Да, она вышла замуж в Бэйпо. Тех пленных привезли моя сестра и её муж, — ответил А-Да.

Услышав о пленных, брат Цун почувствовал дискомфорт и поспешил вернуть разговор к Ворону.

— Почему его зовут Ворон? У вас здесь вороны считаются удачей?

На родине брата Цуна вороны кружили над руинами. Никто не назвал бы себя Вороном, если только он не был неприятным персонажем.

— Ворон — это его детское имя. Мой отец говорил, что его мать, когда была жива, видела во сне, как ворон принёс свёрток с сияющим золотом и маленьким ребёнком. Она решила, что это он.

Брат Цун кивнул, сказав, что имя — это всего лишь символ, но оно всё же отражает желания родителей. Возможно, для людей Кушань золото и дети — это величайший дар небес.

Поэтому старое правительство пообещало им это, и они поверили, поверили настолько сильно, что, когда их обманули, перестали верить кому бы то ни было.

— Ворон никогда не был женат? — спросил брат Цун.

Судя по его пониманию, в горах люди женятся рано. Возможно, в шестнадцать-семнадцать лет, а потом рожают кучу детей. Но он также заметил, что в Кушань это не так, по крайней мере, количество детей, которых он видел, было невелико.

— Нет, я его задержал, — сказал А-Да.

Ворон был честным и высоким, что делало его довольно популярным в Кушань. В семнадцать-восемнадцать лет к нему несколько раз приходили свахи, и сам Ворон получал намёки от многих девушек.

<http://bllate.org/book/16300/1470161>